Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 41 Львовъ, 5 Жолтня 1856. РОКЪ XI.

ЗОЛОТЫЙ КРЕСТИКЪ

(Продолженіе

Третья мурава сросла у могилы
Осталась горстка несчастныхъ сиротъ
Къ трудамъ насущнымъ еще не пристигли,
Руки спухали отъ дневныхъ роботъ.

Бѣдный юноша ходилъ по лозинѣ
На кошель прутья старанно сбиралъ;
Уплетши то въ мѣстѣ, то въ газды газдини.
Кошели свои за хлѣбецъ мѣнялъ.

Чулъ онъ якъ хлопцы ругались старому
И гнѣвомъ искрился жаркій его взоръ,
Воспитанъ честно хотя по бѣдному,
Незналъ что поруга упрямый укоръ.

Вотъ и явился юноша съ лозины
Въ самое время мовь ангелъ якій,
Съ лицемъ невиннымъ якъ личко дитины
Цвѣтущій якъ роза, якъ щука жизькій.

Глянувъ на дѣда, трусно 'му стало
Съ головы самохоть снимаетъ покровъ
Чегось такъ стыдомъ лице'мусь обляло
Съ устъ не добыти привѣтливыхъ словъ.

Радъ бы — не дерзнетъ позрѣти очима,
А отъ чего такъ и гадки нѣтъ въ немъ;
Гдѣжъ его дерзость неустрашима?
Вотъ хлопакъ чемный стыдливъ и по всемъ. —

А съ бѣлою старчикъ мовь снѣгъ бородою
Всталъ, отеческимъ окомъ смотрѣлъ,
За рамя хватилъ сухою рукою:
Ей ты молодче здоровъ та счастливъ!

„Вѣдь-то сдѣлалбысь старенькому дѣду
„А Господь небесный когдась ти проститъ;
„Имѣлъ я прежде честного сосѣду
Днесь на конанью безсильно лежитъ.

Хлопче сесь потокъ мнѣ не пребристи
„Бачишь ты ондѣ сью хижу стару?
„Стремитъ самая на все поле чисте,
„Тамъ радбымъ достатись, будь да умру.

И око старого чудесно заблисло
Казалось святого ты зришь предъ собой,
Чтось якбы лучи верхъ головъ повисло,
Лицемъ по сморщкахъ розьлялась любовь.

Почесть глубока проникла хлопчину
Горсточку прутья на землю кладетъ
И дѣда на плечи взявъ якъ торбину,
Чрезъ невеличку водицу идетъ.

„Прости Богъ хлопче! ты честна дитина,
Честный якъ утро якъ лучъ золотый
Сіяй якъ солнце а бѣлѣй якъ днина
Будь намъ безсильнымъ мовь ангелъ святый.

Вотъ на сей крестикъ, да всегда при тобѣ
Будетъ, а въ хвилѣ несчастной горькой,
Въ недузѣ и смутку и всякой жалобѣ
Да будетъ спаситель талисманъ твой."

И крестикъ на шеи обвѣсилъ хлопчинѣ,
Очи молебно горою вознесъ,
И стало такъ ясно на неба вершинѣ
Якъ бы дивился самъ Господь съ небесъ

Трусно и чемно бралъ крестикъ хлопчина
И поклонившись цѣлуетъ руку;
Стежкой узенькой полѣзъ старовина
Смотрѣлъ за нимъ хлопецъ-вернулъ надъ рѣку.

[К. с.]

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЦАРСКАГО ДВОРЦА И ЕГО ЧАСТЕЙ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО

продолженіе.

Изъ всѣхъ мѣстъ лѣтописи, гдѣ оупоминается о сѣнахъ, видно, что они были въ верхнемъ етажѣ, гдѣ слѣдовательно находились и всѣ покои, въ которыхъ жили князья. Впрочемъ тое не даетъ ніякого права заключати, чтобъ въ древности не было сѣней поземныхъ. Такъ якъ сѣни представляли важное и притомъ неизбѣжное оусловіе въ расположеніи хоромъ, то и самый дворецъ княжескій въ древнѣйшее время именовался вообще сѣнами, сѣнницею. „И сѣдшимъ всей братьи Всеволода на сѣнехъ, и рече имъ Всеволодъ . . . . въ тоже время Борисъ пьяшетъ въ Бѣлегородѣ на сѣньници, съ дружиною своею... си же придоша (народъ) на княжъ дворъ; Изяславу же сѣдящу на сѣнехъ съ дружиною своею.... Князю же изъ оконца зрящю" и пр. „Петръ взиде на сѣни и види Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ. (9)

Въ томъ же значеніи должно принимати и выраженіе: оу Государя на сѣнахъ, весьма оупотребительное въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Мы оупоминали оуже, что князья и цари занимали всегда верхніи етажи дворца, который отъ того въ XVI и XVII ст. назывался вообще верхомъ; выраженіе: оу Государя въ верху значило то же, что во дворцѣ. Въ нижнихъ етажахъ древнихъ княжескихъ хоромъ, подъ клѣтами, находились порубы, оупоминаемыи лѣтописцами. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ лѣтописей порубъ переводится словомъ подклѣтъ (10). Въ тѣхъ то подклѣтахъ и вообще въ нижнихъ етажахъ жили княжи слуги, отроки, дѣтьскіи и всѣ лица, составлявшія княжій дворъ и называвшіися потому дворанами.и Къ хозяйственнымъ постройкамъ княжаго двора принадлежали погребъ, медуша, случайно записанныи лѣтописцами.

Нѣкоторыи изъ древнѣйшихъ княжихъ дворовъ по красотѣ своей, а можетъ быти и по красивому мѣстоположенію, назывались красными (11), а дворъ великого князя Юрья Долгорукаго въ Кіевѣ, за Днепромъ, именовался даже раемъ. Въ отношеніи наружнаго вида дворцовъ, мы имѣемъ свидѣтельство „Слова о Полку Игоревѣ." гдѣ оупоминается о златоверхомъ теремѣ великаго князя кіевскаго Святослава

Вотъ тѣ краткія извѣстія о древнѣйшемъ княжемъ дворѣ, которыя находимъ въ лѣтописяхъ X, XI, и XII, столѣтій. Безъ всякаго сомнѣнія, дворецъ первыхъ московскихъ князей заключалъ въ себѣ, много сходнаго со всѣми другими княжескими дворцами того времени: по крайней мѣрѣ въ составъ его входили тѣже самыя части, якія оуказаны нами выше, Тое вполнѣ подтверждаютъ извѣстія послѣдующихъ столѣтій. Златоверхій набережный теремъ и набережныя сѣни (въ смыслѣ цѣлаго дворца) Димитрія Донскаго [12] оуказывая на мѣстоположеніе великокняжескихъ хоромъ въ Москвѣ, объясняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ сходство съ древнѣйшими постройками того же рода. Лѣтописи конца XV вѣка и другіи современыи имъ акты оупоминаютъ среднюю горницу, въ которой

9) Полн. С. Р. Л. т. I. 73. II, 21, 56, 72.

10) П. С. Р. Л. т. 1, 73, т. II. 24, 28 — Царственный Лѣтописецъ стр. 57.

11) П. С. Р. Л. т 1. 99 т. II, 81.

12) Ист. Гос. Рос т. 5. пр. 70 и 85

великій князь Іоаннъ III, въ 1479 году, по случаю торжественнаго освященія новаго Успенскаго Собора и перенесенія въ тотъ соборъ мощей св. московскихъ чудотворцовъ, давалъ столъ митрополиту и духовнымъ властямъ. Упоминаютъ, еще середнюю повалушу великой княгини Софіи Ѳоминичны, гдѣ представлялся ей посолъ цесарскій Юрій Делаторъ въ 1490 году, и столовую гридню и повалушу великаго князя, записанныя лѣтописцемъ по случаю заключенія въ 1492 году несчастнаго угличскаго князя Андрея Васильевича (13). Здѣсь одна только повалуша не упоминается первоначальными лѣтописцами, что однакожъ не даетъ нікакого права заключати, что повалуши не было въ древнѣйшихъ нашихъ постройкахъ, что ея не было и на княжескихъ дворахъ.

Ни одинъ лѣтописецъ не оставилъ намъ подробнаго описанія древняго русскаго жилища — такого описанія, которое можно было бы принимати за полнѣйшій сводъ всѣхъ извѣстій по тому предмету; лѣтописцы не имѣли въ виду нашего любопытства и нисколько не занимались современнымъ имъ домашнимъ бытомъ по той единственно причинѣ, что тотъ бытъ былъ такъ близокъ къ нимъ, такъ извѣстенъ всѣмъ, что его не стоило и описывати. Но на сколько тое можетъ затрудняти нашіи разысканія? Ужели во всѣхъ случаяхъ мы должны раболѣпствовати предъ даннымъ фактомъ, не стараясь другими путами достигнути истины? Археологія, въ нѣкоторомъ отношеніи, заключаетъ въ себѣ много сходнаго съ палеонтологіею, которая по одной части заключаетъ о цѣломъ, по одному позвонку якого либо животнаго возсоздаетъ цѣлый его организмъ. То же самое можно сказати и объ археологическихъ трудахъ, хотя здѣсь достиженіе истины несравненно труднѣе, и заключеніе и выводы должны предлагатися съ большею осторожностью. Впрочемъ, и здѣсь есть такіи предметы, о которыхъ разысканія разрѣшаются безъ всякаго затрудненія. Напр. въ настоящемъ случаѣ, мы знаемъ, что въ первомъ періодѣ нашей исторіи, лѣтописцы упоминая о дворѣ, о теремѣ, о клѣтахъ, дверяхъ и пр., ни слова не говорятъ о воротахъ, о заборѣ, объ окнахъ и т. д: слѣдуетъ ли заключати изъ того, что въ древнѣйшихъ русскихъ жилищахъ не было оконъ, а при дворахъ воротъ и заборокъ? И нужно ли говорити изслѣдователю, по поводу перваго лѣтописнаго упоминанія о дверяхъ, что и у древнѣйшихъ нашихъ жилищъ были и двери, и говорити о томъ въ то время, когда о другихъ неизбѣжно подразумѣваемыхъ частяхъ жилища, не сказано ни слова?.. Такимъ образомъ не смотря на то, что лѣтописцы оставили намъ весьма мало подробностей о старинномъ нашемъ домостроительствѣ, мы можемъ безошибочно пополнити краткія указанія извѣстіями позднѣйшаго времени. Тое тѣмъ болѣе возможно, что народный бытъ древней Руси, особенно въ отношеніи образа жизни, нелегко поддавался постороннымъ вліяніямъ, не легко измѣнялся, и даже до настоящаго времени сохранилъ основныя черты своего характера. Всѣ согласятся, мы думаемъ, что теперешній крестьянскій дворъ Россіи великой точно такъ же ставится, якъ ставился можетъ быти за триста, четыреста и даже за тысячу лѣтъ. Притомъ до Петра Великаго все населеніе

13) Ист. Гос. Рос. изд. 5. т. VI, 48 пр. 103 и 347. Лѣтописецъ архангелогородскій М. 1781 стр. 170

*

московскаго государства, не различалось такъ рѣзко ни въ образѣ жизни, ни въ обычаяхъ; слѣдовательно и домоустройство всѣхъ сословій отличалось повсемѣстнымъ однообразіемъ, сходствомъ, которое сохраняется даже теперь по всѣмъ великорусскимъ деревнямъ.

Мы уже сказали, что первообразомъ древн.го русскаго жилища была клѣть, изъ которой потомъ образовалась изба, до сихъ поръ почти единственное жилище нашего крестьянина. Изба и клѣть со. ставляли такъ сказати, основу его двора. Обыкновенно изба была поземная и черная, то есть курная съ волоковыми окнами, которыя располагались почвыми окнами, которыя располагались почти подъ потолкомъ для пропуска въ нихъ дыма, и походили болѣе на щели, нежели на окна. Волоковыми они называются потому, что ихъ не затворяли, а задвигали или заволакивали особою закрышкою или доскою. У нѣкоторыхъ избъ были дымницы 14) вѣроятно, деревянныя трубы, якія нерѣдко встрѣчаются и теперь; впрочемъ тіи дымницы составляли, кажется принадлежность бѣлыхъ избъ, о которыхъ мы еще будемъ говорити. Противъ избы у семьянистыхъ и зажиточныхъ людей ставилась клѣть, лѣтній холодный покой, также съ волоковыми окнами. Мѣсто подъ общею кровлею, между клѣтью и избою, называлось сѣньми. Подъ клѣтью, которая въ иныхъ мѣстахъ называлась повалушею и даже горницею, почти всегда былъ глухой подклѣтъ, называвшійся нерѣдко мшаникомъ, въ которомъ помѣщался домашній скотъ или кладовая. Потому клѣть, въ отношеніи къ избѣ, стояла всегда выше, отъ чего, вѣроятно, и носила названіе горницы. Вотъ жилище простолюдина. Мы беремъ только главныя черты, не упоминая о разныхъ подробностяхъ крестьянскаго двора, потому что все тое съ незапамятныхъ временъ и до нынѣ существуетъ почти безъ измѣненій. (П. с.)

14) П. С. Р. Л. т III, 160, 164.

УТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе.)

— „Что? Анна! тая Гануся, что не разъ на моихъ рукахъ бавилась? то не возможно! Гануся была румяная, и красная будьто Ангелъ Божій, а се стоитъ предо мною якійсь трупъ!"

„Порфирій! вѣруйте въ Бога и въ мои слова, я не трупъ, но смертоносныи несчастія измѣнили ия такъ ужасно! говорила бѣдна Анна рыдающимъ голосомъ. „Такъ, такъ, старый! ты уже добре не видишъ, но я припоминаю добре себѣ на оную хорошу дѣвчину Ганусю, и познаю тую въ той блѣдой женщинѣ!"

— Великій Боже! якже возможно есть, дабы человѣкъ такъ до непознанія измѣнился. И чегожъ вы хочете отъ насъ моя панночко или панѣ?"

„Ахъ! про милость Бога, скажите мнѣ, гдѣ есть Борисъ? —

— „А га! такъ! такъ! то Анна! Но якаяжъ блѣда, якъ страшенно запались ей очи и щеки!" поговоривалъ Порфирій отложивши кропило, и взираючи чрезъ окуляры на сироту.

„Гдѣ есть Борисъ?"

— „О! Борисъ исчезъ уже передъ мѣсяцемъ! Якъ впередъ былъ онъ веселый и бодрый, такъ погрузился былъ шесть седмицъ тому назадъ въ печальное разду-

міє. ходилъ въ день мкъ сновида по лѣсахъ, а въ ночахъ стогналъ прохождаючися по цѣломъ селѣ!"

„Такъ, такъ, было то по его прибытіи изъ Львова! озвалася Наста.

— „Никто не могъ его оутѣшити, никто не могъ отъ него и слова довѣдатись, для чего такъ смѫтенъ; наконецъ призвалъ насъ обоихъ изъ нашего жилища съ комории въ свою хатѫ, дабы мы въ ней обитали, а самъ исчезъ, и не показался намъ до сего дни!

„Исчезъ! О! горе мнѣ несчастной! и не знаете, гдѣ онъ скрывается!" заплакала бѣдна вдова, и оупала на колѣна, заломиваючи рѫки.

— Ꙗ не знаю, гдѣ бы онъ былъ! Только Господь небесный вѣдаетъ тое." сказалъ дьякъ.

„О нѣтъ! старый! знаю и ꙗ, гдѣ онъ есть; ибо вчера довѣдалася ꙗ о его жилищѣ отъ пастѫховъ! сказала Наста, призывающаꙗ чрезъ окно изъ огорода бѣдного хромого сына, дабы пришелъ къ ней.

„И гдѣжъ мой покровитель пребываетъ?"

„Въ оныхъ великихъ лѣсахъ надъ тою тамъ страшною скалою. Тамъ жіетъ онъ съ однимъ пѫстынникомъ, которого видѣли пастѫхи ходящаго съ мертвою головою!"

— „Вотъ въ тѣхъ лѣсахъ, надъ онымъ старымъ каменемъ съ крестомъ возносящихся, если истинный есть розсказъ моей Насти." додалъ Порфирій.

„Бывайте здоровыи, мои честны люди, — ꙗ идѫ сейчасъ въ опредѣленное вами мѣсто, и не отпочнѫ, пока не найдѫ мое житіе, моего стрыꙗ!" сказала ободренна Анна, встаючи изъ земли, и забираючися въ дорогѫ.

„Ей панночко!" крикнѫла Наста, „вы бы заблѫдили на вѣки въ тѣхъ лѣсахъ, — васъ поведетъ по вашей волѣ мой малый Костъ, онъ бо ходилъ оуже неразъ съ пастѫхами въ тіи лѣсы и видѣлъ самъ вчера бородатого Бориса и пѫстынника съ мертвою головою надъ потокомъ при трехъ скалахъ! О! онъ васъ поведетъ! Ходи Костю, ходи до насъ, не бойся, таꙗ панночка пойдетъ съ тобою до лѣса, — не бойся, она тебе подаритъ тѣмъ крестикомъ, что виситъ на ей шеи; истинно ли моꙗ панночко?" говорила сребролюбиваꙗ Наста.

„Такъ! такъ! ꙗ тебѣ дамъ той крестикъ, мой любый Костю, ходи со мною!" говорила Анна съ возмѫщеніемъ снимаючи изъ шеи золотый крестикъ, единственный памятникъ по своемъ мѫжѫ, и крѫтячи мальчикѫ, потомъ оуцѣловала Коста въ чело, дабы ино малый хлопчикъ ободрился, скрываючійся за фартѫхомъ матери.

— „Ей Настю? ꙗ боюся Коста посылати въ лѣсъ подъ такій часъ. Ибо вотъ грѣютъ и пекѫтъ теперь страшенно солнечны лѫчи, а тамъ надъ лѣсомъ носится градова хмара. Ꙗ боюся мальчика посылати, — вотъ лѫчше бы было ꙗкого пастѫха, пришедшаго въ полѫдне домой съ панночкою въ лѣсъ отправити!"

Горько оусмѣхнѫлася Анна на тіи слова: „панночка," но дѫмаючи, ꙗко не на времени есть, дьяка теперь исправляти, молчала въ той хвилѣ.

„Ꙗ повелѣваю Костю, дабы онъ повелъ панночкѫ въ лѣсъ! Не видишь ли, что ей нѫжно Бориса видѣти? Иди Костю и заведи тѫю панночкѫ въ лѣсъ, гетъ! гетъ! тамъ гдѣ три скалы сѫть надъ потокомъ, заведи ею до того чорного человѣка.

что ходитъ съ мертвою головою, и до бородатого Бориса; а менѣ дай крестикъ, ибо ты его оутратишь; а скоро прійдешь, то я воздамъ тебѣ его, дай, дай! Костю! ибо буду бити! такъ, такъ! теперь иди!" и сохранивши лстиво крестикъ въ нѣдро, потекла Наста чѣмъ скорьше до садку.

— „Бывай здоровъ Костю! иди медленно, — а не бойся ничего — ахъ! ахъ! лучше было, что бы ты дома лишился, но чтожъ? лихая Наста! . . . Счастлива дорога панночко!" и тое сказавши стоялъ еще долго Порфирій, пока не исчезли путешественники изъ очей его. . . . ,

Не минуло и полъ часа, якъ небо страшенными черными облаками покрылось, и по короткой душливости солнечной якіи то стоны во лонѣ снабженныхъ громомъ облаковъ слышати выдавалися. — Анна поступала несмѣлымъ крокомъ по каменной дорозѣ, взносящейся къ горѣ до лѣса за проводящимъ ею Костемъ, который медленно на передъ хромалъ.

„А далеко то еще оттуду до бородатого Бориса мой любый Костю? вопросила Анна.

— „О! далеко! вотъ такъ, — иди, иди разъ оттуду до нашей хаты, потомъ снова иди, иди . . . до нашей хаты, и еще разъ иди, иди . . . тай будемъ коло бородатого Бориса, и коло того черного человѣка съ мертвою головою; но я его боюся, ибо онъ ѣстъ всѣхъ людей, которыи до него приходятъ!" толковалъ съ дѣтьскою невинностью малый Кость.

„Не бойся, не бойся! мой любый, я буду съ тобою!"

— „А ба! онъ и васъ съѣсть и мене съѣсть, а тато будутъ плакати!"

— И страшенно загремѣло на небесномъ сводѣ. Было то оуже по полудни.

— „Ай- ай- ай! я боюся, — гнѣвается Богъ на насъ!" казалъ съ плачемъ малый Кость.

„О! Богъ не гнѣвается на тебе, — онъ тебе любитъ, но онъ гнѣвается на мене!" додала смиренно Анна.

— „О! онъ не гнѣвается на васъ, — вы такъ добры, вы мнѣ дали крестикъ, но Богъ гнѣвается на мою маму!"

— „Та чему гнѣвается Богъ на твою маму?"

— „Ибо мама моя недобра!

„Недобра? и чтожъ она тебѣ сдѣлала злого, мой любый?

— „Мама мене не любитъ, — я себѣ бѣгалъ, бѣгалъ, тай выбилъ себѣ едно око, — а мама была недобра, что я слѣпый, та взяла мене разъ, якъ я збилъ горнецъ, за ноги, и выкинула за окно, и я себѣ ногу сломалъ!" говорилъ малый Кость.

„Бѣдный, бѣдный Костю! оуспокойся вотъ имѣешь тотъ образецъ, бавися, нимъ!" сказала Анна вынимаючи изъ молитвословца малого начертанного ангела хранителя.

И снова загремѣло еще страшнѣйше въ вершинахъ облаковъ и густый дождь началъ кропити.

— „Ай дождь! ай! ай! ай! я промокну цѣлкомъ, а Богъ все гнѣвается на насъ!" плакалъ мальчикъ.

„Не плачь мой любый Костю, — вотъ я одѣю тебе въ мою мантылю, — такъ не промокнешь; и не задолго будемъ въ лѣсѣ, и тамъ сохранимся подъ дубомъ! ! . .

И пустился рѣсистый дождь, и прежде нежели могла Анна съ Костемъ до лѣса

достатися, шумели уже изъ горы валну-ющіися потоки дождевыи, препятствуючи совершенно путь несчастной вдовы и маль-чика.

Съ материнїю любовїю притиснула Анна Костя ближше до себе, и взявши его за руку, вела его сама къ недалекому лѣсу.

Но вредливый дождь не только что промочилъ совершенно тѣхъ бѣдныхъ путе-шественниковъ, но сдѣлалъ ихъ дорогу такъ трудну, что Анна неразъ посколзнувшися видѣлась быти неразъ надъ якою пропа-стїю . . . .

По долгихъ трудахъ вышли были уже на гору и досягали уже лѣсъ — якъ оглушающїй громъ изъ цѣлого нѣдра о-блачного выпорожнившїися, надъ головою несчастной пары киспустился. — Стра-шеннымъ стономъ закричалъ Костъ, и впалъ вразъ съ Анною на землю! . . . И выдавалося, якобы небеса въ своихъ о-снованїяхъ разорвалися, и на бурливу зе-млю съ лопотомъ низверглися; — и гре-мѣло . . . гремѣло, будьто бы надходилъ судный день на той трубный гласъ, . . И снова утихло, будьто въ якомъ под-земномъ гробѣ. . . . .

„При всѣхъ картечахъ и ракетахъ! что я вижу, — тутъ воцарилась смерть и разрушенїе! .". . крикнулъ якїй то гром-кїй голосъ въ входѣ до лѣса. „Ба! и двое сущиствъ человѣчихъ должны были опла-тити свое житїе въ томъ страшенномъ мгновенїи справедливости божїей. . , . Но ктожъ то есть? ". . продолжалъ оный голосъ, и въ томъ выбѣгъ съ лѣса на отвертое поле великанскїй человѣкъ съ ве-ликою сивою бородою . . . Не былъ то кто иный якъ Борисъ. . . . .

„Якаясь женщина, видно что изъ мо-гущаго стану, и хлопчина одѣтый ей мантылею лежатъ мертвы на земли! О! безъ сомнѣнїя громъ ихъ забилъ. Чтожъ то такого есть? О мой великїй Боже! что я вижу! се есть хлопакъ дьяка Пор-фирїя, цѣлкомъ недвижимый, страшенно изцарапанный на цѣломъ тѣлѣ громо-вымъ ударомъ! но что то за женщина лежаща лицемъ до земли? Скатъ! Скатъ! есь Господи отъ Сїона! то не возможно! я не вѣрую моимъ очамъ! Но се такъ есть! Анна! Анна! несчастна Анна! тамъ на душѣ, а здѣсь на тѣлѣ забита! Такъ! за-бита громомъ во вѣки! восклицалъ въ крайнемъ сумномъ опечаленїи Борисъ, и уцѣловавши будьто послѣднїй разъ тѣ-ло Аннино взялъ е на руки, хотячи е затаскати въ свое лѣсовое жилище. . . . Едва что сдѣлалъ нѣсколько кроковъ, цѣ-луючи безпрерывно недвижимое лице своей давной любимицы и проливаючи горячи слезы за своею Ганусею, якъ тажъ очи отворила, и съ остолбенѣлымъ взоромъ на своего избавителя изъ тогожъ объя-тїй смотрѣла. . .

„То стрый?! О Боже! умру! . . . . зашепнула она, и кинула свой блуждащїй взоръ на Бориса, . . , потомъ задрожа-ла на цѣломъ тѣлѣ и впала въ обморокъ.

--- „Анно! Анно! мое житье ободри-ся! ахъ не омлѣвай смертнымъ дыханї-емъ! не познала-ли ты твоего единствен-ного родственника, милующаго тя цѣлымъ сердцемъ?" и тое сказавши обернулся Борисъ немножко назадъ, хватилъ дру-гою рукою забитого громомъ Костя и побѣгъ что силы въ глубь лѣса до своей пещеры! (П. с.)

ЛЬВОВЪ 4 (16) Октября. Куда лишь поглянимъ всюда открывается нова духовная жизнь Русиновъ. возстають подъ непоборимомъ щитомъ и отечес-

кимъ рачительствомъ Австрійского Скиптра ревныи поборники на поприщѣ русской дѣятельности; пагубный застой прошлогодовый въ нашей литературѣ, якъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ хорошо выразился, помчался въ безвѣсти, а денница благоденствія и порука просвѣщенія восходитъ на нашъ горизонтъ! Но оставимъ тую идеальную фразеологію, которая нiякой пользы не приноситъ, и поговоримъ фактами; ибо всякая истина не есть лишь отвлеченною, въ мысли, но должна явитися дѣйствительно въ самой жизни.— Вопервыхъ надобно упомянути о новыхъ именованiяхъ нашихъ Русиновъ, которыхъ обнародовленiе всякое благожелательное русское сердце возрадуетъ. ВП. Г. Iоаннъ Лотоцкiй поступилъ сими днями въ чинъ Схолiарха. Сей. ВП. мужъ извѣстенъ намъ по своей твердой и непоколебимой постоянности, рѣшительности и жертволюбiю, которое повелѣваетъ посвятитися благу церкви, державы и своего народа, и потому есть для насъ порукою, что училищныя дѣла, которыя подъ дотеперешнимъ главнымъ надзирателемъ народныхъ школъ ВП. Г. крыл. Михаиломъ Кузьемскимъ такъ хорошо, пространно и благоуспѣшно развинулись, въ семъ новомъ Схолiарсѣ своего достойного заступника и поборника прiобрѣли. Богъ да возрадуетъ крѣпкiй и бодрый духъ Его здравiемъ и спасенiемъ въ многая лѣта! —

Не менѣе также нась возрадовало, когда мы въ различныхъ газетахъ встрѣтили именованiе нашихъ Русиновъ ББ.ГГ.Бѣлоуса и Руденского профессорами при Тарнопольской высшей Гимназiи, изъ которыхъ первый исторiю и географiю, вторый же классическую филологiю преподавати будетъ. Стали наши родимцы понимати, что для блага народа нужно заступниковъ своихъ въ всѣхъ сословiяхъ, особенно же для воспитанiя и образованiя русской молодежи во гимназiяхъ. Уже нынѣ числимъ больше русскихъ профессоровъ, напримѣръ: Б. Г. Макаръ профессоръ физики и математики въ Самборѣ, Б. Г. Шараньевичъ, супплентъ при здѣшней академической высшей гимназiи, который не задолгое время дѣйствительнымъ професеромъ именованъ будетъ, и много иныхъ. Тѣ послѣднiи якоже и Б. Г. Бѣлоусъ укончили Богословiе, вѣдаютъ хорошо языкъ русскiй и любятъ священный нашъ обрядъ, потому можно о нихъ предполагати, что и до конца своего дѣйствованiа истинными Русинами останутся. Съ умноженiемъ профессоровъ возрастутъ неотмѣнно и русскiи учебники, для того гордо величаемся сими мужами. Поглянимъ на состоянiе Матицы, тоже и здѣсь видно процвитанiе ея, ибо почти съ каждымъ днемъ приспѣваютъ къ ней новыи члены, а выказъ за годъ 1856 прибывшихъ членовъ безсомнѣнно засвидѣтелствуетъ, якъ печаливо наши Русины къ спопѣшествованiю оного всеважнѣйшаго общества горнутся. Желательно бы было, чтобъ коммиссiя завѣдывающая матичными дѣлами, съ новымъ годомъ выдавала якую-то перiодическую газету яко органъ свой, что же и съ иными Матицами, напр. съ Чешскою, содерживающими свою собственну газету, случается; на корреспондентахъ и сработателяхъ неотмѣнно небудетъ недостатка, также и подписчиковъ явится довольное число, ибо гваранцiя точного издавательства и всѣхъ издержекъ будетъ забеспечена, а польза обосторонна очевидна! Наконецъ должно еще къ нашей радости упомянути, что П. О. Петрушевичъ, Митрополитальный Нотарiй, довольно извѣстный русскому мiру яко глубокiй изслѣдователь древней исторiи русской Галицiи, вознамѣреваетъ издати словарь галичско-русскiй со всѣми областными его оттѣнiями. Къ сему всетруднѣйшему дѣлу присбиралъ Онъ уже много матерiаловъ; но еслибъ кто изъ почт. нашихъ родимцевъ нѣкiй сборнимъ русскихъ словъ имѣлъ, то да благоволитъ на Его руки до Унева прислати, щирая же благодарность нашего народа такъ собирателей якоже и самого издателя изобильно вознагородитъ! — Къ сожалѣнiю лишь нашему принуждены есьми здѣсь нашу горесть общеявно открыти, именно тую, что въ русской Семинарiи питомцы по большей части по польски говорятъ. Тѣ благонадеждны юноши, которыи суть нашимъ упованiемъ, и когда то учителями и проповѣдниками русского народа станутся, нерадѣютъ и якобы стыдаючись своего матерняго языка, говорятъ по польски!? Далбы Богъ, чтобъ ВП. Настоятели Семинарiи тому лихому обыкновенiю своими моральными средствами благовременно запобѣгли!

Н. К—iй

Тупомъ Института Ставропигiянского. Редакторъ Николай Савчинскiй.